

Вернувшись в автодом, Тан Буфань сразу принялся за уборку. Постели, на которых они спали вместе с Лу И, порядком загрязнились. Взглянув в окно на бушующую метель и заброшенную улицу, заросшую сухими корявыми деревьями, он решил устроить генеральную уборку.

Вскоре в салон заглянул Лу И, но Буфань тут же выставил его обратно.

— Возьми топор и наруби дров, — велел Буфань, стоя на коленях перед свернутым пыльным матрасом. — А потом растопи снег и залей воду в бак. Нам нужно хорошенько отмыть машину.

Лу И спорить не стал, послушно взял топор и вышел на улицу, а Буфань вышвырнул грязные тюфяки на снег.

Какое же это блаженство — чувствовать в теле былую силу! Буфань не мог сдержать нахлынувшего восторга. Прежде он постоянно испытывал вялость, а физическая слабость давила на психику, превращая его в апатичную развалину. Теперь же его переполняла кипучая энергия.

Немного поработав, он почувствовал, что ему становится жарко. Сбросив тяжелую волчью доху, он остался в одном свитере и принялся подметать пол.

— Смотри не простудись, — Лу И поднялся в салон с тазом теплой воды, чтобы Буфань мог прополоскать тряпку.

— Не простужусь. Чжао Кай следит за температурой, здесь гораздо теплее, чем снаружи.

Розовощёкий от работы Буфань улыбнулся юноше. Вся его фигура дышала здоровой бодростью, какая бывает лишь после хорошей физической нагрузки.

Лу И на мгновение залюбовался им, замерев на пороге, а затем, тихо радуясь про себя, спустился обратно — топить снег.

Когда коробки с вещами заняли свои места, в жилом модуле стало просторно. Подметши пол, Буфань дважды протёр его влажной тряпкой, добившись идеальной чистоты. Но бросив взгляд на грудку звериных шкур, сиротливо лежавших на кухонной столешнице, он понял, что стелить их обратно совершенно не хочется.

Немного подумав, он вышел на порог и окликнул Лу И:

— Может, сделаем в автодоме небольшую перестановку? Изменим интерьер?

Лу И как раз колол дрова прямо на снегу. Подняв голову, он засмотрелся на стоящего в дверях Буфаня. Парень не мог оторвать взгляда от этого невероятно красивого лица и согласно

закивал:

— Хорошо.

Буфань перевел взгляд на грязное постельное белье, брошенное на снег. Поначалу он думал его постирать, но теперь решил просто избавиться от обносков.

— Тогда нужно подыскать новую мебель и постели.

— Конечно, — покорно отозвался Лу И.

Буфань заметил неподалеку полуразрушенное кафе — то самое, в которое они недавно врезались. Сквозь разбитую витрину виднелись разбросанные в беспорядке столы с каменными столешницами и кожаные диванчики, выполненные в элегантном лаконичном стиле. У Буфаня загорелись глаза.

— Смотри, там отличная готовая мебель. Сходим проверим?

— Как скажешь.

Буфань, устав слушать это бесконечное соглашательство, прислонился к косяку двери и с лукавой усмешкой посмотрел на юношу, сжимавшего в руках топор:

— У тебя вообще есть свое мнение? Хоть какое-то предложение?

Лу И действительно было все равно — главное, чтобы учителю нравилось. Но раз тот настаивал, парень опустил глаза, задумался на секунду, а затем искренне выдал:

— Я хочу спать вместе с учителем. И чтобы кровать была побольше.

Лицо Буфаня сменило несколько оттенков. Покусывая губы, чтобы сдержать улыбку, он развернулся к жилому модулю, чтобы забрать волчью доху:

— Ладно. Лучше помолчи.

Накинув верхнюю одежду, они вдвоем зашли в погруженный во мрак зал кофейни.

Смеркалось. Единственным источником света был костер, горевший на площади. Однако после мутации зрение Буфаня мгновенно подстроилось под темноту, позволяя во всех деталях разглядеть заброшенное помещение. Окружающий мир словно пропустили через осветляющий фильтр.

К такой особенности он еще не привык. Подойдя к покрытой пылью стеклянной стене, Буфань обомлел: его собственные глаза светились в полумраке слабым потусторонним мерцанием.

На мгновение он застыл, испугавшись собственного отражения.

Лу И тем временем проводил рукой по кожаной обивке дивана. Пыли на нем скопилось порядочно, но сама кожа осталась целой — мягкой и гладкой на ощупь.

Оторвавшись от созерцания своих светящихся глаз, Буфань подошел ближе и пощупал сиденье.

— Что это за материал? Тысяча лет прошла, а он как новенький, — поразился он.

— Не знаю, — признался Лу И. — Наверное, какая-то высокотехнологичная искусственная кожа. В двадцать втором веке создавали удивительные композиты.

Оценив на глаз ширину дивана — это была аккуратная двухместная модель примерно в полтора метра длиной, — Буфань удовлетворенно кивнул:

— Отлично. Давай утащим его в фургон и примерим.

— Без проблем, — Лу И, не боясь испачкаться, легко закинул пыльный диван на плечо.

Буфань шел следом. Чжао Кай гостеприимно распахнул задний грузовой люк автодома. Сам Буфань поднялся через боковую дверь и принялся руководить расстановкой.

Раньше в машине не было нормальной обеденной зоны. Половину пространства занимали стеллажи и огромная кровать, так что ютиться приходилось за крошечным складным столиком. Было невероятно тесно.

Теперь, когда стеллажи отправились на свалку, Буфань решил сдвинуть спальное место вплотную к перегородке из легкого сплава, а освободившийся пяточок отдать под кожаный диванчик и стол.

Опустив диван, Лу И окинул взглядом пространство и заметил, что свободного места осталось даже больше, чем ожидалось:

— Не стоит придвигать кровать к самой двери. Давай оставим полтора метра под угловой стеллаж.

Он обвел рукой салон, примериваясь:

— И еще можно прибить полки над окнами, чтобы убрать туда все пластиковые боксы.

Буфань посмотрел вверх, сразу уловив его мысль:

— Как багажные полки в поездах?

— Именно, — подтвердил Лу И. — Сделаем их узкими, ровно под размер контейнеров, чтобы они не крали пространство над головой.

— Хорошо, — с готовностью согласился Буфань и попросил принести оставшиеся детали гарнитура.

Они работали слаженно: Буфань тщательно оттирал обивку влажной тряпкой, а Лу И таскал уцелевшую мебель. Буквально за полчаса уютный уголок со столом и диваном обосновался в автодоме.

Затушив костер, они отправились на поиски матрасов и постели. Вскоре в темноте отыскался заброшенный мебельный центр. Но сколько они ни бродили среди рядов с факелом в руках, подходящих кроватей для звероловцев там не нашлось — стандартная длина всех моделей не превышала двух метров.

Сам Буфань после мутации вытянулся выше метра девяносто, и на двухметровом ложе его ноги упирались бы в бортик, стоило положить голову на подушку. О рослом Лу И и говорить не приходилось.

— Напомни, какой у тебя сейчас рост? — Буфань закинул голову, разглядывая юношу. Ему казалось, что со дня их первой встречи тот стал еще выше.

— Два метра двадцать восемь сантиметров, — раздался в их умных вспомогательных очках мягкий синтезированный голос Чжао Кая. — А ваш рост, Тан Буфань, сейчас составляет метр девяносто три.

Искусственный интеллект непрерывно наблюдал за ними через внешние камеры и мог рассчитать параметры с точностью до миллиметра.

— Ого, метр девяносто три... — негромко протянул Буфань под гулкими сводами мертвого магазина. — Если бы я умудрился вернуться в свой родной двадцать первый век, меня бы ни на одном паспортном контроле не пропустили. Данные бы не совпали.

Он обронил это вскользь, в шутку, но Лу И внезапно посерьезнел и умолк, не сводя с него пристального взгляда.

Даже превратившись в полузверочеловека, Буфань, похоже, в глубине души все еще надеялся найти дорогу домой, в свое время... Лу И не смел спросить об этом. Он вообще ни о чем не решался заговорить — даже о том, не ненавидит ли его учитель за насильственную метку.

Стекла светоэкранов очков скрывали взгляд юноши, поэтому Буфань ничего не заметил. Раз уж в мебельном отделе ловить было нечего, он позвал Лу И назад.

— Что ж, придется снова спать на полу, — вздохнул Буфань, с легким сожалением вспомнив выброшенные матрасы. — Сегодня постелем просто шкуры.

Лу И шагал следом. Вдруг его взгляд зацепился за вывеску склада пиломатериалов, где штабелями лежали толстые доски из массива. В голову пришла отличная идея:

— А давай сколотим кровать сами? В машине есть и пила, и молоток.

Буфань поднес факел ближе, рассматривая бесхозную древесину. Мысль была дельной, но, сверившись с часами, он покачал головой: время близилось к полуночи.

— Давай отложим на завтра, — заметив красные прожилки в усталых глазах Лу И, Буфань мягко взял его за руку и потянул к выходу. — Теперь, когда я тоже мутировал, спешить некуда. Спокойно приведем автодом в порядок здесь, в Пекине, а уже потом двинемся в город Тай.

При тусклом свете факела Лу И всматривался в его спокойное лицо. Тонкие пальцы Буфаня крепко сжимали его ладонь, согревая уютным теплом. Это мимолетное прикосновение уняло тревогу, терзавшую душу юноши.

— Хорошо, — кивнул он с тихой улыбкой.

Учитель определенно не сердился на него. Ведь его учитель всегда был невероятно мягким и понимающим человеком.

Жилой фургон стоял посреди засыпанной снегом площади. Они шли рука об руку по огромному мертвому мегаполису, и лишь их крошечный факел разгонял вековую тьму. Время от времени Буфань оглядывался и ловил на себе неотрывный, преданный взгляд Лу И. Он тепло улыбался парню, и тот сразу улыбался в ответ. В этом молчаливом общении было какое-то особое, хрупкое очарование.

Но в безмолвных недрах этих руин таились легионы токсичных тварей. Точно так же и за безмятежной улыбкой Буфаня скрывался целый рой тревожных мыслей.

Во время обеда Лу И напрямую спросил, любит ли его Буфань. Тот уклонился от ответа. Разумеется, чувства у него были, и сильные, но стоило ли им быть вместе — вопрос куда более сложный.

Разница в возрасте составляла целых десять лет. И пускай Лу И рассуждал и вел себя взрослее сверстников, в свои семнадцать он оставался сущим ребенком. Буфань твердо считал, что в такие годы юноша должен думать исключительно об учебе.

Если бы кто-то из его учеников влюбился во взрослого мужчину на десять лет старше, Буфань счел бы это неприемлемым. А уж если этим взрослым оказался преподаватель... Подобное переходило любые границы педагогической этики.

И надо же было такому случиться, что этим самым нарушителем профессиональной этики стал он сам. Буфаню делалось невыносимо стыдно, и в душе он жестоко корил себя за эту слабость.

К тому же он оказался втянут в жуткий эксперимент, и, судя по намекам бионического андроида, это был далеко не конец. Буфань не сомневался, что судьба еще столкнет его с той таинственной организацией. А значит, Лу И ни в коем случае нельзя оставаться рядом с ним — это смертельно опасно.

Путь предстоял долгий и тернистый. Буфань бесшумно вздохнул.

Они вернулись в тепло салона. Лу И изрядно перепачкался, пока таскал мебель, но расходовать воду на полноценный душ в их положении было непозволительной роскошью. Буфань в шутку предложил ему пойти поваляться в сугробе.

Лу И лишь молча покачал головой — к специфическому чувству юмора наставника он давно привык. В итоге он развел на улице крошечный костерок, согрел немного воды, чтобы наскоро умыться и обтереть тело.

Когда парень вернулся, Буфань уже расстелил на полу пушистые шкуры. Он сидел босиком, закатав широкую штанину и обнажив бледную гладкую ногу.

Лу И так и замер на пороге, глупо моргая.

Буфань всего лишь разглядывал свои старые раны. Когда-то давно один из пожилых токсичных людей ударил его ножницами. Рану пришлось зашивать, и на голени оставался заметный бледно-розовый рубец. Теперь же кожа была абсолютно чистой, без малейшего следа шрама, что привело Буфана в полнейший восторг.

«Неужели мутация запускает столь мощную регенерацию клеток?»

Он опустил штанину и позвал притихшего спутника:

— Иди ложись. Чего застыл на пороге?

— А... хорошо, — смущенно пробормотал Лу И.

Несмотря на то что они делили одну постель уже не первый месяц, рядом с обновленным, расцветшим Буфанем он по-прежнему робел, словно мальчишка.

Сам Буфань держался куда непринужденнее. Забравшись под теплую шкуру, он сладко зевнул.

Чжао Кай погасил свет, и фургон погрузился в уютную темноту.

Буфань прикрыл глаза, наслаждаясь исходящим от лежащего рядом крупного тела жаром. Он уже проваливался в сон, как вдруг почувствовал, что Лу И осторожно тянет к нему руку.

Широкая ладонь юноши бережно легла на левую сторону груди Буфаня, прямо над сердцем, и замерла. Лу И не делал попыток обнять его сильнее — просто держал руку там.

За те двадцать один долгий день, что Буфань пролежал в глубоком забытии, измученный страхом Лу И только так и мог засыпать — ежесекундно проверяя, бьется ли еще сердце его учителя.

Буфань хотел было убрать его руку, но в последний момент передумал.

«Ладно, пусть, — тихонько вздохнул он, чувствуя, как внутри разливается умиротворение. — Пусть держит»

Он закрыл глаза и окончательно погрузился в сон.

<http://bllate.org/book/19039/2003710>